

Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы Института филологии

*Кувшинов Ф.В.,
Россия, г. Липецк,
тел.: +7(952)5999558
e-mail: f.kuv@yandex.ru*

Lipetsk State Pedagogical University

Doctor of Philology, Associate professor, Professor of the Department of Russian language and Literature of the Institute of Philology

*Kuvshinov F.V.,
Russia, Lipetsk,
tel.: +7(952)5999558
e-mail: f.kuv@yandex.ru*

Ф.В. Кувшинов

О «БЕСПОКОЙНИКАХ» Д.И. ХАРМСА: К АНАЛИЗУ ПОВЕСТИ «СТАРУХА»

В творческом наследии Даниила Ивановича Хармса повесть «Старуха» занимает важное место, являясь своего рода итоговым произведением. Именно поэтому она многие годы остается в фокусе внимания исследователей, открывающих новые смысловые пласты произведения. В данной статье рассматривается гипотеза, согласно которой один эпизод повести, в котором речь идет о знаменитых «беспокойниках», имеет своим предшественником прецедентный текст. Речь идет о воспоминаниях, посвященных Федору Михайловичу Достоевскому, которые принадлежат перу художника Алексея Петровича Эйснера. Племянник Елены Андреевны Штакеншнейдер, в литературном салоне которой часто бывал автор «Преступления и наказания», в детские годы лично видел Достоевского и был свидетелем домашней постановки «Каменного гостя» А.С. Пушкина, в которой Достоевский отыграл роль гостя Лауры. Будучи человеком неординарным, Эйснер входил в круг знакомых Хармса как один из представителей так называемых «естественных мудрецов». Вместе с тем, судя по характеру воспоминаний, это был человек внимательный и не лишенный литературного таланта. На примере записных книжек Хармса показывается, что эти мемуары («Из воспоминаний о Достоевском») были хорошо ему известны. Воспоминания о Достоевском Хармс слушал летом 1933 года, о чем оставил две довольно подробные дневниковые записи, которые по сути являются конспектом мемуаров. Полный текст воспоминаний Эйснера, опубликованный в начале 1990-х, позволяет предположить, что он мог послужить в качестве прецедентного текста для одного из ключевых эпизодов повести Хармса.

Ключевые слова: Хармс, Достоевский, Эйснер, прецедентный текст, интертекстуальность, мемуары, литературная традиция, русская классика.

F.V. Kuvshinov

ABOUT THE “WORRIERS” OF D.I. KHARMS: TO THE ANALYSIS OF THE STORY “THE OLD WOMAN”

In the creative heritage of Daniil Ivanovich Kharms, the story “The Old Woman” occupies an important place, being a kind of final work. That is why it has been in the focus of attention of researchers for many years, discovering new semantic layers of the work. This article discusses the hypothesis that one episode of the story, which deals with the famous “worriers”, has a precedent text as its predecessor. We are talking about the memoirs dedicated to Fyodor Mikhailovich Dostoevsky, which belong to the pen of the artist Alexei Petrovich Eisner. The nephew of Elena Andreevna Stackenschneider, in whose literary salon the author of “Crime and Punishment” often visited, personally saw Dostoevsky in his childhood and witnessed a home production of A.S. Pushkin's “The Stone Guest”, in which Dostoevsky played the role of Laura's guest. Being an extraordinary man, Eisner was included in the circle of Kharms' acquaintances as one of the representatives of the so-called “natural sages”. At the same time, judging by the nature of his memories, he was an attentive person and not devoid of literary talent. Using the example of Kharms' notebooks, it is shown that these memoirs (“From Memories of Dostoevsky”) were well known to him. Kharms listened to the memories of Dostoevsky in the summer of 1933, about which he left two rather detailed diary entries, which are essentially a summary of his memoirs. The full text of Eisner's memoirs, published in the early 1990s, suggests that it could serve as a precedent text for one of the key episodes of Kharms' story.

Keywords: Kharms, Dostoevsky, Eisner, precedent text, intertextuality, memoirs, literary tradition, Russian classics.

Одним из самых значимых текстов Д.И. Хармса является его повесть «Старуха» (1939), которая входит в петербургский текст и продолжает литературные традиции, заложенные А.С. Пушкиным и Ф.М. Достоевским. Интертекстуальный характер повести позволяет исследователям отыскивать многочисленные аллюзии, причем это справедливо в отношении не только всего текста повести целиком, но и в отношении отдельных ее частей. Так, один эпизод повести получил в отечественном и зарубежном хармсоведении сразу несколько трактовок. Имеется ввиду следующий фрагмент:

«Покойники, – объясняли мне мои собственные мысли, – народ неважный. Их зря называют покойники, они скорее беспокойники. За ними надо следить и следить. Спросите любого сторожа из мертвецкой. Вы думаете, он для чего поставлен там? Только для одного: следить, чтобы покойники не расползались» [1; с. 179].

«Беспокойные покойники» из «Старухи» породили несколько «сюжетов» в хармсоведении. Так, Д.В. Токарев пишет о том, что герой повести надеется на чудо – избавление от мертвого тела, – но чуда не происходит, точнее, происходит не совсем ожидаемое чудо (вполне в рамках хармсовской логики «равновесия с небольшой погрешностью») – покойница оживает, что «вызывает у персонажа целый поток мыслей о покойниках» [2; с. 88].

Этой позиции близки мысли Ж.–Ф. Жаккара, который также сводит в одно смысловое единство мотив бессмертия и мотив чуда и говорит о том, что Хармс, в отличие от Достоевского, решает эту проблему (чуда и бессмертия) в гротескной форме [3; с. 422–423].

В то же время финский исследователь Юсси Хейнонен писал о полисемантичности слова «покойный» и утверждал, что «Хармс ссылается на “Мертвые души” Гоголя, в которых жители города размышляют о том, каковы души, купленные Чичиковым, не зная, что они на самом деле мертвые, то есть покойные» [4; с. 114]. Далее финский исследователь предположил, что в слове «беспокойный» «бес-» является не только приставкой, а самостоятельным словом «бес» (в значении «черт») [там же; с. 115, с. 145], подчеркивая inferнальную сущность старухи.

По Каррику, беспокойники (или «живые мертвецы») являются своего рода манифестацией «беспокойности» текста, то есть текста не свободного от посторонних нарративов (или аллюзий [5; p. 715]) и даже незаконченного [Idid; p. 720].

Не отрицая ни одного из приведенных выше прочтений появления «живых мертвецов» в повести Хармса, все же хочется высказать предположение о том, что знаменитые хармсовские «беспокойники» могли быть рождены текстом-прецедентом. Известно, что повесть «Старуха» полна литературных отсылок, в том числе, к роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Однако, думается, не только именно это произведение оказало влияние на Хармса в период создания повести.

В записных книжках Хармса имя Достоевского встречается не раз и, как правило, связано с упоминанием его произведений. Но в контексте нашего исследования хотелось бы обратиться дневниковым записям Хармса за июль и август 1933 года. Эти записи стали своего рода конспектом воспоминаний художника Алексея Петровича Эйснера (1872–1942(?)), племянника Елены Андреевны Штакеншнейдер (1836–1897). Последняя долгие годы была хозяйкой популярного в Санкт-Петербурге литературного салона на Миллионной, частым гостем которого был Достоевский. У Елены Андреевны было восемь братьев и сестер, одна из которых, Ольга (1847–1919), в замужестве Эйснер, стала матерью будущего художника Алексея Петровича. К слову, стезя художника Эйснером была выбрана не случайно: его отец, Петр Иванович Эйснер (1839–1872), в 1864 году был удостоен второй серебряной медали Академии художеств, а дед, известный архитектор Андрей Иванович Штакеншнейдер (1802–1865), был академиком Санкт-Петербургской Академии художеств. Однако Алексей Петрович оставил свой след в русской культуре не только как живописец, теоретик и преподаватель искусства (с 1913 года он в должности профессора преподавал в Женском педагогическом институте), но и как этнограф, и как литератор, автор «Из воспоминаний о Достоевском» (довольно подробный биографический очерк жизни А.П. Эйснера до 1930-х гг. сделала Е.Я. Селинкова [6; 7]).

Это был неординарный человек, который именно в силу неординарности заинтересовал Хармса. Вместе с тем знакомство Эйснера с Хармсом могло иметь и печальные последствия, поскольку художник попал в сферу внимания ОГПУ. Так, в конце 1931 года была арестована, согласно определению, «антисоветская группа литераторов в детском секторе издательства “Молодая гвардия”». В нее, помимо Хармса, вошли А.И. Введенский, И.В. Бахтерев, И.Л. Андронников, П.П. Калашников, А.В. Туфанов, Н.П. Воронич. На одном из допросов, Александр Введенский «показал»: «К нашей группе, как к активному в антисоветском плане ядру, примыкали различные лица из среды гуманитарной интеллигенции, политически близкие нам по своим антисоветским и мистическим

настроениям. Из названных лиц я могу назвать следующих: <...> Эйсер Алексей Петрович, проживающий по Октябрьскому проспекту» [8; с. 534].

Эйсер не случайно появился в кругу «антисоветской группы литераторов». Он входил в так называемый круг «естественных мудрецов», тщательно «собиравшийся» Хармсом. В 30-ые гг. художник встречался с Хармсом. Одна из таких встреч, целью которой был осмотр картины Эйснера, описана Н.И. Харджиевым, который в своих воспоминаниях оставил крайне субъективное и нелюбезное описание художника [9]. Другой современник Эйснера — Евгений Ухналев, известный российский художник, — был менее резок в оценке этого человека. В своей книге «Это мое» он обращает внимание на чужаковатость «старичка», но в то же время подчеркивает и его увлеченность искусством, и преподавательский талант:

«Шел 1941-й год, полгода до войны. Бабушка водила к профессору Эйсеру, это было на Невском проспекте. Есть дом, где сейчас кинотеатр “Художественный”, а в следующем доме в сторону Адмиралтейства наверху был эркер. В нем располагалась какая-то громадная трех- или четырехоконная комната, гигантская, забитая старой мебелью, драпировками, предметами прикладного искусства — тем, что сейчас назвали бы хламом и вынесли бы на помойку во дворе. Профессор был немного сгорбленным одиноким старичком, как мне тогда казалось, да он, очевидно, старичком и был. И он мне давал уроки. С тех времен у меня даже остался альбом рисунков. Мне кажется, именно тогда я начал совершенствоваться в искусстве рисования» [10; с. 23].

«Из воспоминаний о Достоевском» представляют собой традиционные мемуары, посвященные встречам будущего художника с великим писателем. Воспоминания были прочитаны Эйсером летом 1933 года. На момент публикации «Записных книжек» Хармса их составители признались в том, что «эти воспоминания Эйснера неизвестны» [11; с. 297]. Однако в действительности воспоминания Алексея Эйснера были опубликованы в 1991 году в журнале «Знамя» Галиной Владимировной (Фридмановной) Коган [12]. Особенность этой публикации заключается также в том, что в ней приводится фамилия художника в написании «Эйссер». Более того, в монументальном издании «Даниил Хармс глазами современников» размещена обложка учебника художника с его литографическим автопортретом [13; с. 442], на которой имя автора указано как «А.П. Эйссер» (написание фамилии художника с одним «с» применяется повсеместно: в воспоминаниях Харджиева (который мог банально не знать правильного написания), в «Записных книжках» Хармса (который орфографические ошибки совершал нарочно), в протоколах допросов (надеяться на грамотность и дотошность следователя не приходится), в дневнике М.А. Кузмина («Эйсер хочет писать меня в среду» [14; с. 496]), а также в ряде художественных интернет-галерей. В данной статье используется написание с одним «с» в силу устоявшейся традиции).

По своей сути записи Хармса, который присутствовал на чтении «Воспоминаний» Эйснера, повторимся, являются их конспектом. Первая запись более пространна и подробна, нежели вторая, которая по своей сути является дубликатом. Причем видно, что Хармс записал, что называется, «на слух». Отсюда несколько неточностей, которые хорошо видны в ходе прямого сравнения (см. таблицу ниже). Сама запись выглядит следующим образом:

«А.П. Эйсер
Штаккенштейндер.
Тонуло в сумерки и в изнеможении.
Мне нравится описание квартиры.
Падение Вышнеградского.
Сцена с клопом. Застыл на месте.
исповедь.
Сняв пальто и безучастно озираясь кругом.
Все остальное тонуло в сумерке и моем измученном воображении.
Эпизоды с разговором: Разговор с Э. о книгах (вкусы).
[Мер] Постановка Каменного Гостя.
Случай с Лаурой М.М.Б. (Н).
“Покажите ножки”.
Офицерская 6 кв. 31. Альелебен Оскар Оскарович.
Украденная шуба.
Читка Братьев Карамазовых.
Клоп.
Приглашение в имение к Малиновским [(?)]. Розановым.
Мария Михайловна Новосельская.

Бушен.

Описание спектакля.

Смех статуи. Очень сжатое, интересное и хорошо впечатляющее описание.

Падение со стула Вышнеградского. Хорошо — целые очки.

Ив. Алексеевич Вышнеградский.

Меняла Кутузов похожий на Достоевского» [11; сс. 21–22] (Все тексты цитируются в соответствии с авторским написанием.).

Таблица

Сравнительный анализ записи Д.И. Хармса и соответствующих фрагментов «Из воспоминаний о Достоевском» А.П. Эйснера с комментариями

Текст Д.И. Хармса	Текст А.П. Эйснера	Комментарий
Штакеншнейдер	Штакеншнейдер	Неверное написание фамилии.
Тонуло в сумерки и в изнеможении.	Все остальное тонуло в сумраке и в моем измученном воображении.	
Мне нравится описание квартиры	Все это аккуратно размещалось на моем письменном «столике с телефоном», который поставили в нашей обширной столовой, скорее напоминавшей старинный кабинет усадьбы: с диванами, креслами, стульями и столиками, с большим концертным роялем фабрики «Вирт», над которым висела в большой золотой раме голова Христа, кисти Бруни. <...> По стенам большие старинные гравюры в рамах, на поста ментах мраморный бюст деда и бронзовая статуя тети Зины, умершей 3-х лет, работы Румянцева. И только большой обеденный стол, покрытый тяжелой скатертью, пожалуй, напоминал, что тут завтракают, обедают, ужинают и пьют чай. Огромный, в два этажа, с башенными часами и витыми колоннами, закрытый темный буфет, тогда уже исполненный полвека назад по рисунку деда, напоминал скорее средневековый орган и придавал всему внушительный покой. Комната эта соединялась с гостиной темно-красным проходным «фиммуар»-ом, с аркой и белым мраморным камином, в котором зимой постоянно тлел и вспыхивал «коко», где стояли уютные диванчики и стулья.	Сохранилось множество планов квартирной обстановки, которые делал Хармс.
Падение Вышнеградского.	Перед самым столом Вышнеградский слегка склоняется к чтецу, снимая очки. Передние ножки кресла подломились и... грузная «горилла» с очками в руках очутилась на полу, задравши ноги.	Мотив падения у Хармса один из самых известных и частотных.
Сцена с клопом. Застыл на месте.	Когда я взглянул на стену, я действительно увидел медленно ползущего клопа; не предвидя, чем вся эта сцена окончится, я застыл на месте.	Насекомые у обэриутов являются одним из наиболее устойчивых образов (см., например [15]).
исповедь.	Был Великий пост. Мать моя впервые повела меня к исповеди в церковь Козьмы и Дамиана, что на Кирочной улице, почти	Хармс опять возвращается к началу «Воспоминаний», в

	рядом с тем домом, где мы жили.	которых об исповеди говорится уже во втором абзаце.
Сняв пальто и безучастно озираясь кругом.	Тихонько сняв пальто, безучастно озираясь кругом.	
Все остальное тонуло в сумерке и моем измученном воображении	Все остальное тонуло в сумраке и в моем измученном воображении.	Хармс переписывает понравившуюся ему фразу всего с одной ошибкой.
Эпизоды с разговором: Разговор с Э. о книгах (вкусы).	Ф. М. постоял у рояля и пристально посмотрел на огромного Христа Бруни, затем, крадучись, подошел ко мне, поздоровался и, обняв меня, принялся перелистывать со мной историю Фридриха Великого. <...> В выборе поименованных книг мы с ним сошлись! Он сам мне тогда же заявил об этом: «Лешечка, а ведь вкусы у нас с тобой одинакие!» [так в тексте. – Ф.К.]	
[Мер] Постановка Каменного Гостя.	[подробное описание постановки. – Ф.К.]	
Случай с Лаурой М.М.Б. (Н). «Покажите ножки».	Ф. М. Достоевский <...> подсел к М. Н. Бушен и, по трогав ее, по тем временам, «рискованно короткую» юбку, с присущей ему ехидной улыбкой, настойчиво домогался у нее, чтобы она показала ему свои ножки, говоря: «А ну-ка! Дайте, дайте мне посмотреть Ваши ножки, какие они у Вас?! Какие? Лаура».	За аббревиатурой скрывается участница спектакля в роли Лауры Мария Николаевна Бушен (в девичестве Новосельская).
Офицерская 6 кв. 31. Альелебен Оскар Оскарович.		Запись, не имеющая отношения к тексту Эйснера.
Украденная шуба.	Тетя Леля <...>, возвратясь домой, рассказывала нам, что у Федора Михайловича из передней утащили шубу. Должно быть один из посетителей под видом студента.	
Читка Братьев Карамазовых. Клоп.	Достоевский долгое время собирался читать, и вот в нашей новой квартире он решил прочесть из оконченных «Карамазовых», что именно, какую главу – я не помню.	Описание читки, во время которой Вышнеградский упал с кресла. Повторение сцены с клопом.
Приглашение в имение к Малиновским [(?)]. Розановым.	«Вы вот все ищите, Федор Михайлович, материал для дальнейших «Карамазовых», — говорила моя тетка. – А я давно Вам предлагала собрать с натуры в семействе барона Розена (декабрист, женатый на Малиновской – тетке Софьи Ивановны Штакеншнейдер).	Хармс правильно записывает «Малиновские», хотя и сомневается, и с ошибкой «Розановы» (вместо правильного Розен).
Мария Михайловна Новосельская. Бушен.		Хармс опять неправильно записывает имя. Верно: Мария Николаевна
Описание спектакля.		
Смех статуи. Очень сжатое, интересное и	Лепорелло (Аверкиев) небольшого роста, с большим животом, отевающим лицом,	

хорошо впечатляющее описание.	крючковатым носом и хриплым голосом (это была всегдашняя особенность Дмитрия Васильевича), обращаясь к статуе Командора, производил такое комическое впечатление, что статуя затряслась.	
Падение со стула Вышнеградского. Хорошо — целые очки.	Все обошлось благополучно, и почтенный сановник с цельными очками в руках, виновато улыбаясь, с острасткою садится в подставленное ему другое кресло.	Повтор, но уже с новой деталью
Ив. Алексеевич Вышнеградский.		
Меняла Кутузов похожий на Достоевского		Запись, не имеющая отношения к тексту Эйснера.

Как видно, Хармс довольно подробно законспектировал воспоминания Эйснера. Однако интересно то, что осталось за пределами записей Хармса, но, надо полагать, не за пределами его памяти. Это окончание «Воспоминаний о Достоевском»:

«Прошло некоторое время со смерти Федора Михайловича. Вдова Достоевского переехала на новую квартиру, совсем не помню куда. Анна Григорьевна тогда начала удачно реализовывать произведения своего покойного мужа и квартира ее была хорошая, но и ее я не помню.

Одно лишь запечатлелось у меня – это угол у окна гостиной: тропические растения, финиковые пальмы поставлены так, что сразу напоминали присутствие покойника. На черном мольберте в черной раме в натуральную величину — портрет Федора Михайловича, рисованный соусом, Крамским. <...> Ушедшая в подушки, тяжелая мертвая голова покойника, его – Федора Михайловича здесь нет, он – “отошел”! Он не живой. Он умер. Закрыв глаза навеки, успокоился. Покой, покой! Вот что схватил и передал художник.

А Достоевский в жизни был “беспокойник”! Хотя он и не был, что называется, “живым”. Он был тих, незаметен... И беспокойство его было внутреннее, вечное, своеобразное!» [12; сс. 175–176].

Механика писательского мастерства, видимо, никогда не будет полностью раскрыта. Но некоторые механизмы могут быть описаны, хотя бы и на уровне гипотезы. Утверждать, что «беспокойник» Эйснера является прямым прообразом «беспокойников» Хармса будет излишне оптимистично. Но вместе с тем отрицать такую возможность, приняв во внимание тот факт, с какой бережливостью Хармс «сохранил» в своей записной книжке текст Эйснера, нельзя: оксюморон «беспокойные покойники» мог родиться у Хармса сразу во время слушания воспоминаний и затем «всплыть» в момент написания «Старухи».

Библиографический список

1. Хармс Д.И. Старуха // Полное собрание сочинений. Том 2: Проза. Драматические произведения. Авторские сборники. Незавершенное. СПб.: Академический проект, 1997. 504 с.
2. Токарев Д.В. Курс на худшее: абсурд как категория текста у Даниила Хармса и Сэмюэля Бекета. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 333 с.
3. Жаккар Ж.–Ф. Наказание без преступления: Хармс и Достоевский // Достоевский и XX век. В 2-х томах. Т. 1. / Под ред. Т.А. Касаткиной. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 411–425.
4. Хейнонен Ю. Это и то в повести Старуха Даниила Хармса. Helsinki: Helsinki University Press, 2003. 231 p.
5. Carrick N. A Familiar Story: Insurgent Narratives and Generic Refugees in Daniil Kharms's “The Old Women” // The Modern Language Review, Vol. 90. No. 3 (Jul., 1995). Pp. 707–721.
6. Селинкова Е.Я. Художник А.П. Эйсер и его коллекция акварельных копий церковного искусства Западной Грузии // Христианство в регионах мира. Вып. 2. СПб: Наука, 2008. С. 381–406.
7. Селинкова Е.Я. Фактография и антропология ранней коллекции православных артефактов А. П. Эйснера из Российского этнографического музея // Вестник Герценовского университета. 2014. № 2. С. 36–57.

8. Сборище друзей, оставленных судьбою... Л. Липавский, А. Введенский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «Чинари» в текстах, док. и исслед.: в 2 т. / [Отв. ред. В. Н. Сажин]. М.: Ладомир, 2000. Т. 2. 748 с.
9. Харджиев Н.И. Из последних записей // *Studi e scritti in memoria di Marzio Marzaduri a cura di Giovanni Pagani-Cesa e Ol'ga Obuchova*. Padova: CLEUP, 2002. (Eurasistica: Quaderni del Dipartimento di Studi Eurasiatici Università degli Studi Ca' Foscari di Venezia. 66). Pp. 49–62.
10. Ухналев Е.И. Это мое. М.: АСТ: CORPUS, 2013. 256 с.
11. Хармс Д.И. Записные книжки. Дневник: В 2 кн. Кн. 2 / Подг. текста Ж.–Ф. Жаккара и В. Н. Сажина; вступ. статья, примеч. В. Н. Сажин. СПб.: Академический проект, 2002. 416 с.
12. Эйсснер А. Из воспоминаний о Достоевском // *Знамя*. №11 (Ноябрь). С. 160–176.
13. Даниил Хармс глазами современников: Воспоминания. Дневники. Письма / под редакцией Алексея Дмитренко, Валерия Сажина. СПб.: Вита Нова, 2019. 528 с. + XXXII с.
14. Кузмин М.А. Дневник 1908–1915 / М. Кузмин; предисл., подгот. и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. 861 с.
15. Ронен О. Персонажи-насекомые // *Звезда*. 2000. № 8. С. 192–199.

References

1. Kharms D.I. The old woman // *Kharms D.I. Complete works. Vol. 2: Prose. Dramatic works. Author's collections. Unfinished*. St. Petersburg: Academic project, 1997. 504 p.
2. Tokarev D.V. A Course for the Worst: the Absurd as a category of text by Daniil Kharms and Samuel Beckett. M.: *New Literary Review*, 2002. 333 p.
3. Jaccard J.–Ph. Punishment without crime: Harms and Dostoevsky // *Dostoevsky and the XX century*. In 2 volumes. Vol. 1 / Edited by T.A. Kasatkina. M.: IWL RAS, 2007. Pp. 411–425.
4. Heinonen J. This and that in the story *The Old Woman* by Daniil Kharms. Helsinki: Helsinki University Press, 2003. 231 p.
5. Carrick N. A Familiar Story: Insurgent Narratives and Generic Refugees in Daniil Kharms's "The Old Women" // *The Modern Language Review*, Vol. 90. No. 3 (Jul., 1995). Pp. 707–721.
6. Selinenkova E.Y. Artist A.P. Eisner and his collection of watercolor copies of church art of Western Georgia // *Christianity in the regions of the world*. Vol. 2. St. Petersburg: Nauka, 2008. Pp. 381–406.
7. Selinenkova E.Y. Factography and Anthropology of A.P. Eisner's Early Collection of Orthodox Artifacts from the Russian Ethnographic Museum // *Bulletin of the Herzen University*. 2014. No. 2. Pp. 36–57.
8. A gathering of friends left by fate... L. Lipavsky, A. Vvedensky, Ya. Druskin, D. Kharms, N. Oleinikov: "Chinary" in texts, doc. and research: in 2 vols. / Edited by V.N. Sazhin. M.: Ladimir, 2000. Vol. 2. 748 p.
9. Khardzhiev N.I. From recent recordings // *Studi e scritti in memoria di Marzio Marzaduri a cura di Giovanni Pagani-Cesa e Ol'ga Obuchova*. Padova: CLEUP, 2002. (Eurasistica: Quaderni del Dipartimento di Studi Eurasiatici Università degli Studi Ca' Foscari di Venezia. 66). Pp. 49–62.
10. Ukhnalev E.I. This is mine. M.: AST: CORPUS, 2013. 256 p.
11. Kharms D.I. Notebooks. Diary: In 2 books. Book 2 / Subg. of the text of J.–Ph. Jaccard and V.N. Sazhin; intro. article, note by V.N. Sazhin. St. Petersburg: Academic Project, 2002. 416 p.
12. Eisner A. From the memories of Dostoevsky // *The Znamya*. No. 11 (November). Pp. 160–176.
13. Daniil Kharms through the eyes of contemporaries: Memoirs. Diaries. Letters / Edited by Alexey Dmitrenko, Valery Sazhin. St. Petersburg: Vita Nova, 2019. 528 p. + XXXII p.
14. Kuzmin M.A. Diary 1908–1915 / M. Kuzmin; preface, subg. and comments by N.A. Bogomolov and S.V. Shumikhin. St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House, 2005. 861 p.
15. Ronen O. Insect characters // *Zvezda*. 2000. No. 8. Pp. 192–199.